

Мартин Ралчевский

Бесконечная ночь

эта книга уже опубликована. Все авторские права защищены.

Мартин Ралчевский, 2008, Сиела Софт энд Паблিশинг

ISBN: 954-28-0351-5

Однажды, подняв трубку телефона, чтобы позвонить, я случайно услышал разговор, между моей матерью и ее подругой. Я уже собирался повесить трубку, но услышал, как моя мать сказала, что она сильно обеспокоена моим поведением. — «Все свое свободное время он пишет что-то». Именно так сказала она. Это меня сильно обеспокоило. Честно говоря, я не нашел в себе сил, противостоять искушению и, забыв о всяком воспитании, продолжал подслушивать разговор.

«Но на самом деле — это ведь чудесно! Почему бы тебе не поддержать его?» — спросила ее подруга. «Неужели ты не считаешь, что однажды из него выйдет чудесный писатель?»

«Нет!» — сразу ответила моя мать — «Он пишет лишь потому, что ему это нравится!»

Тогда мне было около двадцати... Сейчас, почти пятнадцать лет спустя, я бы хотел сказать своему маленькому сыну, которому посвящаю свою книгу, а также и всем вам, кто жаждет найти себя, что для того, чтобы быть воистину счастливыми, вам нужно лишь постараться найти свое призвание и несмотря на возраст и положение в обществе, позволить своему воображению взлететь вверх и достигнуть самых высоких вершин.

Было бы слишком жаль прожить всю свою жизнь просто так — не оставив за собой следа.

Пока я писал эту книгу, я ходил на работу, заботился о двухлетнем сыне. Большую часть книги я написал во время поездок, в холлах разных гостиниц и в других подобных условиях. Движущей силой во всем была моя вера.

Мартин Ралчевский
11 мая 2007 года

Человек воистину счастлив лишь тогда, когда он творит — независимо от того в чем выражается его творчество — в сочинении стихов, писании картин, черчении планов будущего дома, и даже если он просто сажает цветок.

М. Ралчевский

ПРОЛОГ

Древняя христианское предание рассказывает о непревзойденном в своих совершенстве и мудрости египетском монахе, который с самой молодости посвятил свою жизнь одной единственной цели — найти смысл человеческой жизни. Когда ему исполнилось семьдесят лет, внезапно, во время прогулки в лесу, он встретил своего Создателя, который явился ему в виде скромно одетого седобородого старика. Монах сразу понял, что перед ним стоит не кто угодно, а Творец всего. Не растерявшись ни на миг, он сразу спросил: «Раз ты являешься мне, Господи, значит, пришел мой судный час, или Ты услышал мои молитвы и решил выполнить мою просьбу?».

«И то, и другое верно — ответил Господь — Я здесь, потому что ты трудился невероятно много на протяжении всех дней, которые Я для тебя предопределил, с одной единственной целью — узнать смысл Моего творения. Благодаря твоему неугасающему желанию и постоянству, ты приблизился до самой цели, и уже почти знаешь ответ, поэтому Я решил вознаградить тебя, выполнив одно твое желание».

Монах опустил взгляд, потому что ему казалось непосильным смотреть Создателю в глаза, он смиренно промолвил: «Я прожил свою жизнь так, как желал. Я приобрел мудрость и знания, которыми вряд ли кто-нибудь на этой земле обладает. Я постиг, что такое настоящая свобода и спокойствие, о которых многие мечтают, а у меня их в изобилии. Лишь одно я не успел за свою жизнь узнать: что такое любовь?»

«Это твое желание?» — спросил Бог.

«И да, и нет — ответил старый монах, — да, потому что это действительно мое желание, но и нет, потому что, чтобы осуществить его, я бы хотел прожить свою жизнь заново. Если это возможно, я бы хотел снова быть двадцатилетним, но я также хочу сохранить разум, которым обладаю сейчас».

«Все законы и силы, о которых знаете вы, люди, Мне совершенно подвластны — ответил Бог, — но есть что-то, что вы пока что не в состоянии понять, и это то, что Я создал их, чтобы их соблюдали, а не нарушали».

«Значит Ты не выполнишь моего желания?» — опе-чально спросил монах.

«Я дам тебе все, о чем мечтают люди, но вторую жизнь Я не могу тебе дать.»

Монах ничего не ответил. Он молчаливо опустил взгляд и смиренно ждал.

Бог увидел и оценил его смирение, его силу его томления.

«Так как Я действительно вижу, что ты мудрый, благочестивый и достойный человек, Я сделаю исключение! — сказал Он — Я верну тебя во время, когда тебе было двадцать лет, но, как Я уже сказал, всех законов не нарушу. Я верну тебя на шестьдесят лет назад, но без опыта и мудрости, которые ты приобрел во время своей жизни.»

Монах огорчился, потому что понял, что у человека есть одна единственная жизнь, чтобы достичь своей мечты, а также один единственный шанс чтобы встретить любовь и узнать что такое счастье... И тогда он пожелал умереть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У людей всего одна жизнь...
и право лишь на одну попытку
превратить свои мечты
в реальность.

Прошло несколько часов с тех пор, как Марк приехал в Анзио. Он не спешил. У него было достаточно времени, чтобы насладиться прекрасным днём.

Он провел некоторое время в центре городка, рассматривая спокойно каждый прилавок и магазин. Затем направился вниз по улице. Волнение в его душе возрастало с каждым пройденным шагом. Со времени последнего (единственного) посещения этого дорогого и значимого для него места, прошло немногим более трех лет, а городок, казалось, вообще не изменился. Как и в первый раз, на него сильное впечатление произвело местное гостеприимство. Может быть, в этом была одна из причин, по которым он пожелал провести эти сокровенные и минуты именно здесь.

Марк шел медленно, размышлял, и незаметно для себя дошел до места, куда он стремился. «Человек всегда возвращается на то место, где он когда-то был счастлив», подумал он. Дом был тем же, только растительность вокруг показалась немного скуднее, но это, наверное, из-за недавно прошедшего сухого и жаркого лета.

Пока он осматривался и негласно беседовал со своими воспоминаниями, на веранде появилась хозяйка. Она ожидала его появления и прилежно подготовила и привела в порядок комнату — также, как и три года назад — о чем он специально попросил.

— Пожалуйста, Марк, заходи, я так рада тебя видеть — спускаясь с веранды, заговорила она. — Как ты, как Моника...? Ну заходи же.

Марк любезно кивнул, но нарочно не ответил.

— А вы как? — в свою очередь спросил он. — Получили деньги, которые я вам отправил?

— Да..., да, получила. Заходи, устраивайся.

Сильное волнение охватило его, когда он переступил порог дома и вошел внутрь. «Любезность этих людей просто трогательно», — думал он, открывая дверь комнаты.

— Я приятно удивлен, просто видно, что вы очень старались — несколькими секундами позже тихо промолвил он, но некому было его услышать — к его удивлению женщина уже ушла.

Он нежно коснулся постланных без единой морщинки белоснежных простыней, сделал несколько кругов по комнате, и его сердце исполнилось волнения, которое быстро перешло в ностальгию и горечь. Он знал каждый уголок этой комнаты настолько, что никогда не мог ее забыть... Здесь он пережил так много радости и счастья. Стены помещения, казалось, были пропитаны той таинственной и вечной энергией, которая дает жизнь красивому и непреходящему в этом мире, и которая движет все в нем к добру — к любви. Эта любовь, однако, не может быть воссозданной или описанной, а только пережитой.

Марк пододвинул один из двух стульев к столу и вытащил из единственной своей сумки пустой конверт, в который он заранее старательно положил несколько белых листов, тяжело вздохнул, задумался на миг, и начал писать.

«Дорогая Мони, от всей души, искренне жалею о том, что в тот день, я забыл сказать тебе как сильно я тебя люблю. Я знаю, что время летит только в одну сторону, и у меня нет шанса вернуть его назад, но если все-таки допустить...»

В этот момент будто что-то его испугало и он остановился, отвел взгляд в сторону и задумался. Почему он начал писать это письмо? На что он надеялся? Чего он ожидал? Моника никогда не прочитает это письмо, никогда не узнает о его словоизлияниях. Было очевидно, что, независимо от его сильного желания и стремления к диалогу, усилия были напрасными. Не было смысла откладывать более. «Пришел час», промолвил он совсем тихо самому себе. Он с раздражением бросил написанное на пол и резко встал. По его спине сразу забегали мурашки, а на лбу выступили мелкие капельки холодного пота. «А что если все-таки по ту сторону есть что-то? — как молния прошла через его ум мысль, — если и правда возможно..., а что если, вместо того, чтобы освободиться от боли и тяжести, окажется, что я их унесу вместе с собой навсегда?!» Однако он отлично осознавал, что ему нельзя думать об этом сейчас, если он и правда собирался довести дело до конца. Поэтому он решительно отверг растревожившие его мысли, которые непонятно откуда появились в его уме, открыл снова сумку, вытащил оттуда две пачки таблеток и старательно начал их распечатывать. Он

прекрасно знал, потому что заранее поинтересовался, что надо быть сытым, чтобы быть уверенным, что его не стошнит пока таблетки начнут растворяться в желудке. Вопреки своему желанию, он не успел поесть с утра, а день уже шел к концу. Марк снова посмотрел на сумку и заметил, что его бутылка с минералкой, которую он купил в Риме, уже пуста. «Какая ирония!», про себя воскликнул он. Хотя какое значение имело с какой водой примет он снотворное. Впервые за последние несколько недель он улыбнулся, затем встал и спокойно пошел в ванную, налил себе стакан воды и начал глотать таблетки.

Брал в рот по пять сразу, отпивал большой глоток воды, сглатывал, выжидал немного и принимал следующую дозу.

Внезапно, будто спровоцированный чем-то, он вскочил и пошел к окну — почему бы ему не прожить свои последние минуты, а может быть и час, гуляя по пляжу — так он мог бы насладиться полностью своим любимым местом, и сохранить его гораздо глубже в своем сердце, чем если бы он провел отведенное ему время лежа и бездействуя в комнате, а так он сможет избежать неменюемых хлопот, которые непременно причинил бы своей хозяйке, совершив такой поступок.

Марк проглотил наспех последние таблетки и отправился на улицу. «Странно — думал он, спускаясь к пляжу — через час я уже, наверное буду мертвым, но у меня все еще есть цель». Он даже не заметил как прошел все расстояние от дома до пляжа за пять минут. Встав на песок, он увидел что тех, кто лежа неподвижно, на еще теплом песке пытались насладиться последними лучами осеннего солнца, было не много. Миг был

сокровенным и неповторимым, каждая минута была единственной, прощальной и священной, и вполне естественно казалось, пережить ее в одиночестве. После недолгого осмотра он выбрал тихое и сравнительно отдаленное место, подальше от людей, где он смог бы в спокойствии попрощаться с жизнью. Он и до этого любил уединение, спокойствие и тишину, но сейчас, как никогда в них нуждался. Он быстро расслабился и сел на мелкий песок — последняя остановка в его жизни — место, с которого он больше никогда не двинется.

Люди на пляже не подозревали что происходит рядом с ними. Скорее всего, они его даже не заметили, что для Мартина являлось лучшим вариантом. Мысли, вроде: «что бы подумали окружающие, узнав, что он закончил жизнь самоубийством», волновали его в известной степени несколько дней назад. Но в настоящий момент — он удивлялся самому себе — подобные переживания и угрызения полностью покинули его. В эти последние минуты он предпочел отдаться своим хорошим и красивым воспоминаниям, которые он пережил именно здесь, на этом лазурном берегу, вместо того чтобы терзать себя из-за чего-то, что уже было неподвластно ему. Ему хотелось запечатлеть в своем сознании чудную картину, частью которой он являлся сейчас, вплетая в нее, вечно живые и прекрасные эмоции своего прошлого.

Море казалось красивым как никогда. Солнце ласкало его осенними лучами, а вода, хрустально чистая, была теплой и исполненной жизни. Вдали виднелись несколько яхт, которые, из-за отражения и отблесков солнца, выглядели так, будто вовсе не касались воды, а висели в воздухе. «Что же думали люди в средневеко-

вье — задумался Марк, провожая взглядом яхты, когда они видели, как корабли постепенно исчезают из их поля зрения? Сначала корпуса, потом паруса, а в конце мачты и флаги. Так как тогда они верили, что Земля плоская, наверное, это поэтапное исчезание и появление судов вызывало в них изумление и недоумение. Этот “феномен” обязательно порождал множество вопросов в их сердцах, на которые они были совсем не в состоянии ответить. С солнцем все было гораздо проще — они видели то же самое, что и мы сейчас — что оно вертится вокруг Земли, а не наоборот. В это они и верили без лишних рассуждений».

Снотворное еще не начало действовать — решил Марк, потому что он все еще был в состоянии думать последовательно, по меньшей мере ему так казалось. Удивляясь самому себе, он осознал, что ему хочется искупаться и поплавать вют разные желания. Сначала мне захотелось выйти, потом я пришел на пляж, а теперь я хочу плавать. Неужели это потому, что я все еще не готов умереть!? Он снова всмотрелся в море и его взгляд во второй раз привлекли отдаленные маленькие лодки, которые плавали, будто умышленно, по самой грани горизонта. «И правда красиво, вряд ли есть другое место на Земле, которое так прекрасно...». В этот миг в тридцати метрах от него прошла влюбленная пара. Они держались за руку. На секунду Марк был ошеломлен — он почувствовал зависть.

Около часа прошло с тех пор, как он принял снотворное; наконец-то его действие медленно, но верно начало проявляться. В известной степени можно сказать, что Марк был хорошо ознакомлен с основными проблемами психотроники, а также и со всякими рас-

сказами о паранормальных переживаниях на пороге смерти, описанными во многих книгах разными авторами. Он с нетерпением ожидал лично увидеть и проследить, как множество книг описывали это, самые главные, значимые события своей сравнительно короткой жизни, которые должны были пробегать перед его закрывающимися глазами как на киноплёнке. Затем он должен был пройти через что-то похожее на туннель и быть встреченным в конце существом, излучающим белый свет. Однако в этом месте все рассказы заканчивались и умиравшие приходили в себя в своих знакомых, чаще всего больных или искалеченных, телах. Каковой бы ни была правда, наконец он лично получил возможность проверить и узнать лично, и это должно было произойти совсем скоро. Эта мысль заставила его почувствовать слабое удовлетворение и даже разбудила в нем, хоть и ненадолго, неизменное человеческое любопытство по отношению ко всему незнакомому и неизвестному.

Десять минут спустя у него уже не было сил сидеть. Воздействие таблеток становилось все более ощутимым; всего пару минут назад его ум был ясным и сравнительно спокойным, однако постепенно психическая усталость и сонливость становились сильнее. Его мысли начали терять свою последовательность и логику, а взгляд незаметно устремился с красивого моря к небу. Марк лежал неподвижно на спине, из последних сил пытаясь сконцентрироваться и передвинуть левую руку в более удобное положение. Он напряг свою волю, сосредоточил всю свою энергию и из последних сил смог передвинуть ее. Веки стали гораздо тяжелее. Момент неумолимо завораживал; он

более не был в состоянии сопротивляться. Все еще чувствовал контакт с песком и слышал, хотя и слабо, прибой. Постепенно все чувства покинули его. Он закрыл глаза и расслабился полностью.

Последнее, что он почувствовал, было ощущение, будто он тонет.

* * *

Словно эхо издалека послышался Марку голос умершего отца.

— Тебе надо верить в свои мечты, мой мальчик. Если ты будешь верить в них всем сердцем, то Бог обязательно поможет тебе и однажды они станут реальностью — сказал он. Марк снова открыл глаза и увидел своего любимого отца, стоящего над ним. Отец улыбнулся ему дружески, погладил его нежно по голове, затем погасил свет, пожелал ему спокойной ночи и тихо вышел из комнаты.

«Я буду верить в свои мечты — думал Марк, — и Бог поможет им сбыться. Хорошо, что есть те, кто хотят помочь мне. Но сначала я должен решить чего я хочу, а затем я буду верить, и когда я вырасту...» — он повернулся на бок, укутался в мягкое одеяло и заснул, охваченный приятным, теплым ощущением.

Его разбудил голос матери. Увы, надо было вставать и идти в школу.

К школе Марк питал смешанные чувства. Не то чтобы он ее не любил — напротив, большая часть времени, проведенная там, была ему приятна, интересна. Проблема однако была в другом: к сожалению он не умел общаться со своими одноклассниками. Возможно, причиной этому был интровертный характер Марка, а это

раздражало и обижало остальных детей — ведь они считали, что он их игнорирует. Городок, в котором жил мальчик, был маленький, и все знали друг друга. Поэтому его родители часто слышали о том как их сын не желает играть с остальными детьми или что он «снова» считает себя чем-то большим — и так далее. А эти слова, несмотря на то, что были в некоторой степени правдой, в основном были ложью.

Несмотря на то, что читать Марк не очень любил, он был одним из отличников. В городке развлечений было немного, так что его ежедневие проходило сравнительно однообразно. Исключение составляли лишь те дни, когда, сделав уроки раньше обычного, с разрешения отца он шел в лес. Всегда, когда у него было побольше свободного времени, он старался зайти глубже в лес, что ему не часто удавалось, так как домой надо было вернуться к ужину — традиция, передающаяся из поколения в поколение. Марк любил называть лесные местности придуманными им именами. Рядом с одной из дорожек, отходящих от основной тропы и ведущих в глубину леса, была чудесная ель. Он дал ей имя — Долорес, в честь своей первой, детской, безответной любви. Дальше, если идти по той же дорожке, можно было насладиться чудесным видом на долину, которую он назвал Надежда. Он знал, что все эти имена, которыми он называл местности и деревья в лесу, мягко сказано, странные, и было бы глупо, если кто-нибудь о них узнает, так что они оставались его маленькой тайной. Он осмелился рассказать об этом лишь отцу, так как тот всегда поддерживал его и поощрял выражать свои эмоции и чувства, а также учил никогда не стесняться своей мечты. Он был лучшим другом Марка во всем

мире. Получив в очередной раз отцовское благословление, в знак благодарности мальчик назвал его именем величественную старую сосну, которая для него была олицетворением мудрости и совершенства. Однако к сожалению и его отец, как и любой другой человек в среднем возрасте, был очень занят и не всегда успевал обращать на него внимание. Он был госслужащим, скорее всего чиновником; Марк так и не понял чем точно он занимается — так как почти каждый раз, когда он возвращался с работы домой, ему надо было вычислить, посчитать еще что-то. Разговоры между ними которые Марк никогда не забыл, велись обычно вечером. Именно во время этих десяти — пятнадцати минут, перед тем как пожелать своему сыну спокойной ночи, он пытался открыть и передать ему лучшее из своего характера, научить его любить, верить, творить и мечтать.

Иногда, хотя и очень редко, в голову Марка приходила мысль, что его отец, быть может, ничем не отличается от отцов остальных детей и что наверное он его обожает только потому, что, как и остальные мальчики в его возрасте, нуждается в сильном примере для подражания и в авторитете, в ком-то, кем можно восхищаться. Он однако хорошо знал, что на самом деле это неправда потому что он всегда мог сравнить своего отца с родителями других детей. И между прочим, это был лучший способ, заметить и оценить свои преимущества перед остальными.

Лес для него был местом для созерцания и отдыха. Здесь он искал ответы на те вопросы, которые обсуждали с отцом. Лес был для него святая святых, отправный пункт ко всему окружающему, его молчаливый, преданный, верный друг.

* * *

Погода была пасмурной, атмосферное давление — высоким, а температура — ниже нормальной для сезона, и люди старались делать все немного быстрее обычного, ожидая, что вот-вот начнется дождь. Дождя уже не было больше десяти дней — довольно долгий период для родины Марка. Поэтому он решил не отходить далеко от дома, чтобы, если дождь все-таки пойдет, не промокнуть до костей и не простыть — игра не стоила свеч в случае, поэтому в этот раз он отказался идти в лес; вместо того он решил посетить близкую церковь.

День назад в школе Марка говорили, что в город привезут очень старую, чудотворную икону из России. Их учительница специально обратила внимание на то, что принесение иконы именно в их город — Божье благословление для всех, поэтому стоит всем, у кого будет возможность, пойти в церковь и поклониться святыне. Несмотря на то, что с детства Марка воспитывали в духе христианства, его познания в области церковных ритуалов были весьма ограниченными, а его вера не была сильной.

Заходя в храм, он заметил небольшую группу людей, которые, стоя в очереди, спокойно ожидали пока придет их черед помолиться перед иконой. Марк постоял некоторое время, задумавшись не стоит ли ему и выйти — он никогда не любил тех мест, где было много людей. Но впервые в жизни он почувствовал особую, таинственную силу, которая притягивала его и заставляла передумать. «Ну что ж — подумал он — пользы от того, что я останусь, скорее всего не будет, но терять тоже нечего».

«Надо молиться о чем-то конкретном — думал он, стоя в очереди. — Наверное каждый из присутствующи-

щих пришел сюда с определенным желанием или проблемой. Таково человеческое обыкновение — мы обращаемся к Богу лишь тогда, когда в чем-то нуждаемся.» Марк вспомнил слова своего отца, которые за последние годы он не раз от него слышал: «Запомни, что если ты веришь в свои мечты всем сердцем, то ты обязательно получишь помощь в их осуществлении».

— Господи, открой мне, прошу тебя, смысл жизни, и одари меня любовью — прошептал Марк, когда наконец-то пришел его черед и он встал лицом к благому образу Христа. Понять смысл человеческого существования: вот к чему стремились все — думал Марк — потому что ответы, которые давались на это в школе, были крайне неудовлетворительными. А любовь... она была самым главным и обязательным условием достижения счастья, потому что человек, даже после того как прошел весь путь, как выражался его отец, — жил напрасно, если не знал любви.

Постояв еще немного перед иконой, Марк поцеловал ее, как делали и все остальные, вышел из церкви и пошел домой. Для него все это казалось чем-то вроде лоттерейного билета, купленного в надежде, что сделано все, что от него зависело. Но уже вечером он, конечно же, напрочь обо всем позабыл.

В конце концов метеорологи оказались правы — плохая погода задержалась и к концу дня начался ливень.

* * *

— Когда мы поговорим о главном, о вечном, о том, о чем ты только намекаешь, а мы это никогда не обсуждаем? — спросил он однажды у отца.

— Ты должен быть душевно зрелым, чтобы понести груз истины спокойно, это не товар, который все в силах нести — ответил отец.

Настроение Марка сразу испортилось — он почувствовал себя недооцененным. «Почему же правда должна быть грузом?» Наверное, отец говорил так, желая что-то скрыть от него. «Неужели что-то может быть настолько страшным, что это нельзя обсуждать отцу с сыном?» — думал он. Тогда в комнату зашла его мать.

— Вы снова разговариваете на мужские темы? — почти иронически спросила она.

— Пытаюсь подготовить его к жизненной правде — ответил отец и вышел из комнаты.

Несмотря на то, что в общем и целом он был очень добрым и спокойным человеком, иногда, хоть и редко, он становился очень придирчивым, когда уставал после работы, к которой он никогда не питал положительных чувств — чего и не пытался скрыть. Скорее всего именно поэтому он часто говорил с Марком именно на эту тему — он ни за что на свете не хотел, чтобы его мальчик, однажды, оказавшись принужденным обстоятельствами, остался без возможности выбирать, чтобы ему пришлось заниматься работой, которая не интересна. Его поведение всегда было примером для подражания. Марк хорошо помнил тот день, когда отец взял его с собой на ужин вместе с семьей начальника в самый престижный ресторан в городе в знак благодарности начальнику за повышение. Его поведение было изысканным, а манеры — точными, отмеренными во всех отношениях. Лишь тогда Марк осознал, что его отец — джентльмен, при чем из числа тех, о которых он читал лишь в учебниках истории.

Один из любимых персонажей, о которых Марк часто слышал от своего отца, был Черчилль. Он не мог забыть тот день, когда его одноклассники решили в выходные выйти на охоту в его любимом лесу — многолетняя традиция, эмблематичная для всей страны. Тогда он пытался разубедить их, они его за это и побили. Физическая боль однако оказалась незначительной по сравнению с душевной. Марк страдал неимоверно от того, что потерял друзей. «Не бывает вечных друзей, бывают лишь вечные интересы» — сказал тогда его отец, узнав о случившемся. Это были слова Черчиля, высказанные им по конкретному политическому поводу, но тогда шла речь не о политике, а о его израненном сердце — и эти слова идеально описывали то, что творилось у Марка в душе.

В понедельник, когда Марк снова пошел в школу, он с удивлением узнал, что ему придумали кличку — защитник леса и животных справедливо был назван «Лесным духом». С этих пор до окончания школы эта кличка неизменно преследовала его во всем и везде.

«Но звучит-то она неплохо — чистосердечно воскликнул его отец, узнав о случившемся. — Клички в большинстве случаев даются ради оскорбления, особенно в детстве. У меня тоже была кличка, когда я был в твоём возрасте, но моя кличка по сравнению с твоей звучала ужасно. Запомни: никогда не изменяй своим принципам и взглядам лишь для того, чтобы понравиться другим. Если ты это все-таки сделаешь, по опыту знаю, ты об этом рано или поздно пожалеешь».

«Но я не хочу, чтобы у меня была кличка» — возразил Марк, долго и в слезах умоляя отца помочь ему избавиться от нее.

— Хорошо, я скажу тебе что делать. Слушай внимательно. Завтра а или как-нибудь еще, когда ты решишь, что готов, скажи лидерам своего класса, что ты нашел что-то в лесу, что определенно похоже на антиквариат. Ты его «нашел», копая на случайном месте, чтобы поставить что-то вроде шалаша. Тогда ты наткнулся на зарытый в земле большой сундук, похожий на часть потерянного сокровища короля Генри VIII. Сокровище, скорее всего, было зарыто одним из его слуг. Кроме того не забудь отметить, что описание полностью совпадает. И так как ты отличник, никто не усомнится в твоих словах. Ты спросишь, не согласятся ли они помочь тебе вытащить его вместе, напоминая, что если они это сделают, и вы вместе сдадите клад государству, законом предусмотрен значительный процент стоимости найденного сокровища для того или тех, кто его нашел.

Когда я говорил тебе о том, что не бывает вечных друзей, но есть вечные интересы, я имел в виду именно это. Привлеченные возможной выгодой, которую в этом случае предложить им в состоянии лишь ты, поделившись с ними своим секретом, они не только никогда больше не назовут тебя по кличке — вы станете еще более близкими, чем раньше.

— Но что же мне делать, когда они захотят прийти, чтобы вместе выкопать сокровище?

— Не беспокойся об этом. Я помогу тебе отнести и закопать какой-нибудь старый сундук. И, пришедши на место, вы узнаете, что кто-то приходил и украл все. Но ты сразу успокоишь их, сказав о том, что сокровище это — очень большое, и где-то поблизости обязательно есть еще сундуки, для поисков однако, тоже понадобится их помощь. Это отнимет больше времени.

Так много, что они либо потеряют терпение и интерес, либо вырастут. Во всех случаях, поверь мне, тебя никогда больше не назовут Лесным духом.

Сочиненная отцом история понравилась Марку. Он с приятной дрожью вспоминал, с какой радостью и с каким волнением ожидал подходящего времени. Впервые в жизни он представлял себя не только равным с одноклассниками, но и более того — в качестве лидера.

Время однако шло, а Марк все не решался поднять тему. Странно, но его отец тоже вел себя так, будто разговора этого и вовсе не было.

Около месяца спустя он в конце концов рискнул робко спросить у отца, когда тот ему поможет с сундуком.

— Я думал, ты уже позабыл об этой истории.

— Но как... почему ты решил, что я забыл?

— Неужели тебе и правда хочется иметь ненастоящих друзей? Друзей, которые с тобой лишь потому, что ожидают от тебя чего-то взамен? О, нет, я не думаю, что тебе этого хочется. Прошу, постарайся запомнить и придерживаться двух правил в будущем, мальчик мой, и ты всегда будешь счастлив, в твоём сердце всегда будет царить мир. Во-первых, никогда не переживай и не терзай себя маловажными житейскими событиями, и во-вторых: почти все, независимо от того чем оно кажется, в итоге оказывается малозначительными.

* * *

Отец часто начинал и тему о счастье — «Человек ведёт полноценную жизнь лишь тогда, когда он стремится к конкретной цели — рассуждал он — но цель обяза-

тельно должна быть положительной и нести духовное удовлетворение, иначе она была бы лишь пустой тратой времени. Счастье, однако, бывает полным только тогда, когда мечты сбываются. Поэтому в них надо верить, не жалея сил. Верь в них и ты почувствуешь, как изменится твоя жизнь и как она сразу обретет смысл. Тогда каждый прошедший день будет исполнен смыслом, содержанием, потому что с каждым днем ты будешь все ближе к реализации того, к чему стремится твое сердце.»

Его отец всегда говорил на такие темы со слезами, а иногда вдруг выходил из комнаты, накидывал на себя какую-нибудь куртку и покидал дом. Пару десятков минут шел по дороге и почти каждый раз, возвращаясь, повторял «Сынок, не позволяй жизни ускользнуть от тебя так же, как она это делает с миллионами людей во всем мире. Возьми меня в пример. То, что у меня есть семья, дом, хорошая профессия и работа — не обязательное условие для счастья.» Потом, сделав недолгую паузу и закуривая, он продолжал: «Будь достаточно смелым, чтобы поверить в осуществление своей мечты, потому что только так ты поймешь смысл жизни».

«Если отец не знает, в чем смысл жизни, кому тогда знать?» — думал тогда Марк, каждый раз решая, что его отец на самом деле отлично знает ответ, но стесняется или молчит по какой-то другой причине.

Марк вспомнил и притчу, рассказанную отцом.

«Давным-давно в далеком царстве жил царь, прославленный своей добротой. Он был счастлив лишь тогда, когда доставлял радость своему народу, давал каждому, кто просил его о чем-то, все, в чем тот нуждался. Царство этого владетеля было богатым и все

жили в довольств, мире, гармонии, проявляли понимание друг другу. Наступил год засухи, земли не дали урожая. Это напугало часть жителей — они обратились к нему с просьбой дать им зерна, чтобы создать запасы. Они боялись капризов погоды. Сделав это, они смогли бы не только прокормить семью в бедственные времена, но и посеять все, что осталось, в следующем году. Остальные его подданные знали, что их царь честный и добрый человек и никогда не покинет их в беде, поэтому, несмотря на признаки, предвещающие неурожай и в будущем, они ни о чем не попросили.

Царь был удивлен тем, что лишь небольшая часть жителей его царства попросили у него помощи. «Я хочу дать каждому именно то, в чем он нуждается — думал он — но, к сожалению, я не знаю, в чем нуждаются все».

Прошли годы, соседнее царство объявило войну царю. В этот трудный для страны год снова пришла засуха, которая истощила, и без того ослабленное, царство. Постепенно бедность и голод охватили всех. Несмотря на желание и добрые намерения царя помочь своему народу, у него просто не было возможности сделать это. Лишь те, кто предусмотрительно попросили у него зерно, чувствовали себя хорошо в эти трудные времена и гораздо легче переносили невзгоды. А все остальные, надеявшиеся на милосердие своего владельца и не просившие ничего, когда у него было много, и когда он с ожидал их просьбы, сейчас терпеливо стояли у ворот дворца и напрасно надеялись на помощь.

Измученный болью и печалью, царь вышел к собравшейся толпе.

— Дорогие мои, верные подданные, несколько лет назад все мы жили в мире и богатстве, и вы прекрасно

знали, что каждый из вас, кто просил у меня чего-то, что я мог ему дать, сразу получал все, о чем просил. Еще до того, как я узнал, что начнется война, несколько человек пришло ко мне с просьбой о зерне, чтобы иметь запас при необходимости. Тогда я хотел дать и вам, потому что в своем сердце я никогда не хранил предпочтения к кому-либо из вас. Но так как тогда никто из вас не обратился ко мне, я не мог насильственно заставить вас позаботиться о себе. Теперь вы сами видите в каком положении государство. Из-за войны и засухи многие погибли. Наше богатое, славное царство вдруг стало бедным. Я хотел бы дать вам все, но у меня нет ничего. Скажите мне, что делать? Что сказать вам? Если бы только вы попросили тогда, когда у меня было все, сейчас бы вы не страдали. Поэтому не держите на меня обиду из-за положения, в котором вы сейчас находитесь, потому что вы сами сделали свой выбор».

— Не забывай, мой мальчик, когда у тебя есть мечты, которые кажутся тебе недостижимыми, нереальными, настолько нереальными, что тебе стыдно поделиться ими даже с близкими людьми, попроси тогда у Царя. Все, чего ты желаешь в глубине души, всем сердцем, осуществимо для Него и Он может тебе это дать — говорил его отец.

По его словам, самые главные вопросы, на которые, как он сам честно признавался, ответов он не знал, но искренне надеялся, что Марк в будущем узнает, были следующие: «Кто такой Бог и зачем Он нас создал?» — вопрос, которым, считал он, каждый человек хоть раз в жизни задавался, но редко признавался в этом остальным. Вторым фундаментальным вопросом он считал вопрос о смысле жизни — вопрос, который, за отсут-

ствием удовлетворительного ответа, большинство людей сознательно избегают задавать. На третьем месте вопрос о личной миссии и цели каждого из нас. Когда человек найдет смысл своей жизни и уверенно начнет к нему стремиться, верно идти по начерченной Творцом тропе, тогда он по пройденному пути может узнать ответы и на первые два вопроса.

* * *

Марк вспомнил тот день, когда он умело и хладнокровно сбежал в детстве из лагеря.

Его отец и мать отправили его туда, где вместе с остальными одноклассниками он должен был научиться полезным привычкам и стать более самостоятельным. Уже первой ночью, однако он почувствовал себя брошенным и преданным своими родителями. Вместо того, чтобы перебороть себя, находясь в месте, где чувствовал себя крайне дискомфортно, после недолгого раздумья он решил сбежать. «Зачем мне насильственно подвергать себя столь ненужному страданию, кому пойдет на пользу моя боль?», думал он. Советы вроде: «ты мужчина и должен бороться», «мужчины не плачут» и так далее, казались ему непонятными. «Если бы все люди на земле были сильными, они были бы военнослужащими — рассуждал он, — а это нелепо, так как мир может быть многообразнее и пестрее лишь если в нем есть художники, писатели, учителя, врачи и так далее».

Вернувшись домой, автостопом, он объяснил родителям, почему так поступил. Отец, вместо того чтобы читать ему нотации, долго стоял ошеломленный. Он был очень удивлен дерзостью и смелостью сына, которые, он в последствии, хоть и с нежелани-

ем, признал, положительными качествами сильного молодого, но все-таки еще несформировавшегося характера.

* * *

Марк вспомнил и более поздние этапы своей жизни — когда он уже возмужал и — что было совсем нормальным, естественным для молодого мужчины — предпочитал более не рассказывать отцу все, о чем он думает.

Жизнь постепенно привела его к тому возрасту, к тому состоянию, когда пришла пора уйти от родителей. Может быть это скоро бы произошло — ведь так повелевал естественный ход жизни — если бы не тот зловещий субботний вечер, когда судьба изменила ему, как никогда раньше и навсегда лишила его родителей.

Марк не желал вспоминать шок, в котором он находился после того. Он не хотел вспоминать и катастрофу, тем более похороны. Событие оставило в его душе слишком глубокие следы, с которыми ему, так или иначе, надо было прожить всю оставшуюся жизнь.

Судьба повернулась самым страшным и жестоким образом, каким только могла, для мальчика его возраста — думал он тогда, да и сейчас.

* * *

Смерть его родителей в каком-то смысле была чем-то вроде троянского коня. Будто в город вселилась какая-то странная, злая сила, которая все время вызвала тревогу и беспокойство в его душе. Куда бы он ни посмотрел, куда бы он ни шел — в городской парк, на площадь, в церковь, в магазин — его не покидало чувство, будто он их встретит, увидит хоть на миг. Но

сильнее всего это ощущение было дома. Все заставляло его думать, будто они живы и здоровы, но просто уехали куда-то и скоро вернуться. Фотография над камином, снимок, который был так дорог всем в доме, сделанный за день до его выпускного. Они втроем стояли в обнимку и смеялись — этот снимок будто говорил на каком-то другом, собственном, таинственном и бессловесном языке, что они навсегда останутся вместе. Большинство предметов были как приклеенные — к столам, шкафам и полкам. Ими уже неделями никто не пользовался. Поэтому скоро все в доме запылилось. Эта ужасная, серая, эфирная пленка постепенно покрыла все. «Даже самый сильный и оптимистически настроенный человек не выдержал бы долго в этих стенах» — думал он. На самом деле все было немного по другому основной проблемой для него были вовсе не стены и не предметы, и не пыль, а его сильная любовь и привязанность к родителям. Может быть, для кого-нибудь другого, кто не питал подобных чувств и у кого не было подобной сильной связи с родителями, остаться одному вовсе не показалось бы проблемой, но для Марка дела обстояли несколько иначе. Постояв немного в комнате родителей, он тихо закрывал дверь — также, как делал это и раньше, когда они были еще живы, шел медленно по корридору и входил в свою комнату. Несмотря на то, что здесь ничего не изменилось, обстановка все равно каким-то необъяснимым, болезненным способом напоминала о том, что родителей не стало. Спокойствие, царившее последние несколько недель везде, и которому он раньше по-настоящему радовался, оставаясь один в доме, теперь казалось мучительным и тягостным.

В последнее время Марк засыпал на кровати, не переодеваясь, а иногда даже не снимая обуви. Выключал свет в комнате, он обязательно оставлял хоть одну горящую лампочку ночью — обычно в корридоре. Иногда даже плакал, затем сознательно уходил в мир воспоминаний. Час или полтора часа спустя засыпал, а просыпался через два, иногда три часа — сразу после окончания первого сна, вставал, быстро раздевался и снова ложился, умышленно оставляя лампочку в коридоре включенной. Он догадывался, что засыпать так — по меньшей мере — глупо, но будто против собственной воли продолжал свой ритуал. «Мне придется либо отвыкнуть от этого и преодолеть свои чувства, либо уйти отсюда» — решил он, засыпая в одежде после очередного изматывающего и бесцельно прожитого дня.

* * *

Когда человек перед сном поставит перед собой какой-то вопрос, который надо решить, вопрос, который его беспокоит, вероятность того, что утром он проснется и решение проблемы неожиданно всплывет в сознании, очень велика. Марк знал об этом по собственному опыту. Он уже не раз воспользовался этой чертой человеческой психики и почти всегда таким способом приходил к правильному решению: как болезненно выйти из затруднительной ситуации.

В его сознании всплыло воспоминание о незабываемом, пугающем случае из его детства. И решение тогда он принял именно этим испытанным способом.

Поблизости от школы, в которой он учился, находился склад подержанных автомобильных запчастей. Однажды вечером он и двое мальчишек пробрались в

это место и, возможно по глупости, но, на самом деле, совсем нарочно, по его предложению, они подожгли огромную автомобильную шину. Они даже не представляли какой машине могут понадобиться подобные шины и только на следующий день они узнали, что это была тракторная шина.

Даже сейчас, в этот момент, Марк не мог ясно и удовлетворительно ответить самому себе — зачем он тогда поступил так, но люди ошибаются именно для того, чтобы научиться не наступать второй раз на те же грабли.

Резина горела, а густой черный дым становился все гуще, сформировав плотное черное облако, заметное со всех концов города и даже из ближних пригородов, и вызвал ярость почти всех горожан.

На следующее утро по этому поводу в школе провели расследование и почти сразу стало известно имя преступника. Марку в этом случае ничего не грозило — его даже не заподозрили. «Разоблаченным» оказался мальчик, немного старше Марка, которого тот даже в жизни не видел. Несмотря на то, что мальчик категорически отказывался признать свою вину, школьное руководство приняло решение наказать его самым жестоким, из предусмотренных в школьном кодексе, наказанием.

Вернувшись домой вечером, Марк не без основания чувствовал себя растерянным и виноватым. Но что он мог сделать? Как он должен был поступить? Возможностей было две. Либо продолжать вести себя так, будто он совершенно ни при чем, либо понести ответственность за свой поступок, признавшись в совершенном и сняв обвинение со своего одноклассника. Он

уснул, поставив сознанию трудное задание: проснуться с правильным решением, с тем, что является самым справедливым, но в тоже время, несущим за собой минимальные негативные последствия. Утром, открыв глаза, он понял, что решение уже есть. Он должен был признать свою вину перед директором школы и просить о снисхождении. Час спустя сказав всю правду Марк был ошеломлен. Директор почти сразу, не задумываясь, ответил ему дружеским тоном, что там, где встречается раскаяние, наказания быть не должно, но это, конечно же, ни в коем случае не означает, что он мог бы позволить себе снова совершить подобное преступление. Этим вопрос был закрыт и Марку простили, а мальчика — признали невиным.

Несколько ночей подряд однако испытанный метод отказывался работать. Это обеспокоило Марка. Одно из самых надежных средств отказывало. На самом деле метод работал как никогда хорошо, причем многократно давал ясный ответ на задаваемый вопрос — вот только некому было прислушаться.

Марк слишком сильно любил родной дом, чтобы просто так уйти из него, а по всему было видно, что именно это он и должен был сделать. Но это действие вело за собой и другое — покинуть навсегда родной город. Какая польза покинуть родной дом, оставаясь в том же городе? Каждое место здесь напоминало ему родителей, отзываясь болью в душе. Ситуация была слишком сложна и необратима, и для принятия решения требовались трезвая оценка и концентрация. Марк помнил как отец говорил ему, что принужденный принять важное решение в жизни человек не должен спешить и действовать импульсивно — луч-

ше подождать сколько понадобится, примириться с тем, что жизнь изменится — чтобы быть готовым, оказавшись в незнакомой ситуации. Осознав это, он стремился не спешить, а найти лучшую альтернативу.

Покинуть город?! Это вело за собой кучу проблем. Конечно, он был бы не первым и далеко не последним. Но его терзал главный вопрос «Зачем?» — уйти, чтобы найти хорошую и прибыльную работу, или чтобы учиться в университете — эти причины казались ему достаточно серьезными. Но уйти, чтобы только попытаться забыть печаль — это казалось ему неприемлемым.

Подумав еще немного, он решил еще несколько дней помедлить с принятием решения.

* * *

Марк все более ощутимо осознавал, что ему нужно попрощаться с родителями и покончить с закаленным кругом, в котором он находился. Он понял, что в последнее время грусть, к которой он почти привык, будто смешалась и отступила перед каким-то новым, незнакомым до этого момента чувством — надеждой. «Это, наверное, и есть вера — думал он — спокойствие даже после такого несчастья, яо, все несет какой-то смысл. Возможно, они не совсем умерли и они в другом мире, быть может — в Раю, а может быть они все еще здесь, на земле, может быть, даже в доме». Все эти мысли приходили к нему неожиданно и скорее мешали ему, чем помогали справиться с ситуацией. Несмотря на свое воспитание, глубоко в душе Марк не был религиозным, но от одноклассников он слышал, что Бог может открывать Свою волю верующим посредством Библии — если человек помолится Ему о чем-то конкретном и затем

откроет ее на «случайной» странице. Это определенно казалось ему слишком наивным, казалось похожим на суеверие, но в данной безвыходной ситуации он был готов на все, лишь бы получить хоть какой-то относительно удовлетворительный ответ, объяснение смерти родителей и указание, как дальше жить.

Марк неожиданно почувствовал волнение — причем очень сильное. Несмотря на отсутствие интереса к алкоголю, он решил, что ситуация требует исключения. Но это была не единственная причина — так он хотел еще немножко, хоть и косвенно, приблизиться к отцу, сделав что-то, что он при жизни любил.

Глотнув несколько раз прямо из бутылки любимого отцом «бурбона», он будто стесняясь своего поступка, вошел в спальню родителей и впервые после их гибели позволил себе сесть на безупречно заправленную кровать. Сев удобно и взяв в руки Священную Книгу, которая всегда лежала на столике отца, он во второй раз в жизни решил помолиться.

— Господи, ответь мне, прошу Тебя. Почему все это произошло? — пробормотал он быстро про себя и сразу открыл книгу на «случайной» странице.

«Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. Он повел меня и ввел во тьму, а не во свет. Так, Он обратился на меня и весь день обращает руку Свою;» (Плач Иеремии, 3,1–3)

Текст впечатлил его, но не помог найти связи между своим вопросом и прочитанным... «Мы должны всегда быть начеку, чтобы заметить знаки, которые судьба подает нам. Только оставив сердце открытым для них, можешь надеяться, что никогда не ошибешься». — сказал однажды он.

Но зачем он должен был считаться с какими-то знаками, которые были слишком неясными и непонятными для него?

Он так сильно любил все в родном городе. Здесь родился, вырос, впервые полюбил, хоть и безответно, впервые в жизни любовался природой так, как только он умел, как вряд ли где-то еще смог бы... здесь он получил — в основном от отца — столь ценные и полезные знания, но здесь его и постигло худшее несчастье.

* * *

— У Вас есть месяц на то, чтобы освободить дом, но я бы не советовал Вам тянуть до последней минуты — сказал брокер.

— Не тревожьтесь, я и не собираюсь оставаться так долго — успокоил его Марк — однако я хотел бы спросить не могли бы вы повысить цену, учитывая мебель и остальные предметы интерьера?

— Честно говоря, эта мебель почти ничего не стоит, поэтому я не считаю нужным даже затрагивать эту тему. Ведь мы оба знаем, что цена, которую мы уже обсудили, довольно высокая, Вы должны быть довольны.

Марк пожал руку брокера и вежливо проводил его до порога, после чего, постояв пару минут у зеркала в коридоре, начал изучать каждую деталь интерьера, прощаясь с безвозвратно прошедшим детством. Он смотрел на массивную входную дубовую дверь. Ему всегда нравились резная картинка на ней — эльф, сидящий у лесного ручья. Он так и не понял почему родители выбрали именно этот сюжет при ремонте несколько лет назад. Хрустальная люстра с двенадцатью подвесками — шесть обычных и шесть в форме

львиных голов, которые его мать несколько раз в год с его помощью снимала и старательно вычищала. Отполированные до блеска полы, по которым он в детстве так любил скользить в носках, а мать все бегала за ним, упрасывая быть осторожным, не пораниться. Потолок в его комнате, на котором он и отец попытались нарисовать Вселенную. На нем были изображены сотни галактик, звезд, планет. Вид с его кровати не выразить словами. Стоило подольше посмотреть на разрисованный потолок, освещенный специальной лампой, находящейся за его гардеробом, и ему казалось, что он является творцом этого чуда. Ощувив грусть, он вышел на веранду. На ней, чаще всего летом, он разговаривал с отцом о многом интересном. Эта веранда несомненно была свидетелем самых душевных отцовско-сыновних отношений во всем мире.

Его взгляд остановился на цветах, о которых его мама заботилась с такой любовью... Марк с удивлением заметил, что некоторые из них выглядят гораздо хуже. Он не забывал поливать их и тоже старательно о них заботился, но и они, видимо, страдали без своей настоящей хозяйки.

Марк вошел в гостиную, сел в кресло отца и посмотрел на часы над камином — у них тоже была своя история. Их укрепили на это место в знак уважения к дедушке. Отец не раз говорил, что они — ценная семейная реликвия, которую надо всегда хранить и ни за что не продавать. Под часами лежала коллекция отцовских компакт-дисков с классической музыкой, с которой, несмотря на огромное желание, он не успел познакомиться. Ему нравились отдельные мелодии, которые успокаивали и которым он радовался, наслаждался

ими, но в общем он редко проявлял желание слушать их в отсутствие отца.

Неожиданно для себя самого, Марк вдруг сильно захотел что-нибудь послушать. Он задумался, пытаясь решить чего именно ему хочется. И почти сразу с уверенностью протянул руку к Моцартовому реквиему. Увеличив звук, он снова сел в кресло и закрыл глаза.

* * *

Прошло три недели и шесть дней после продажи дома. Настала пора уезжать. Несмотря на то, что Марк посещал могилы родителей почти каждый день, он категорически отказывался примириться с фактом, что могилы — их вечный дом. Его грусть становилась намного сильнее, когда он был в пустом доме — тогда она была практически непреодолимой. В этом, однако, был и положительный аспект, это помогло ему принять правильное решение. «Если их души живы, как и должно быть, они, скорее всего, в доме, а не на кладбище». — думал он.

В очередной раз после катастрофы Марк почувствовал необходимость сказать им что-нибудь, но снова не нашел в себе достаточно сил, чтобы сделать это. Ему казалось признаком сумашествия говорить в пустоту, но в глубине сердца он чувствовал, что его слова будут высказаны не напрасно.

Марк закрыл на ключ входную дверь, прошелся медленно по веранде в последний раз и вышел на дорогу, где его ждало такси.

Час спустя он уже ехал в столицу с билетом в один конец в кармане и искренне надеялся, что там он начнет все заново.

Самый большой город в стране, как любое подобное космополитическое и густонаселенное место, предлагал множество возможностей развития и самореализации. Он был желанной целью для множества людей не только из его страны, но и со всего мира. Что искали там все эти разные люди, приезжая из разных концов света, кроме как хорошо оплачиваемой работы, Марк не понимал. Вряд ли они все мечтали жить в перенаселенном районе, дышать загрязненным воздухом и тратить на дорогу на работу и обратно более двух часов. По ходу этих рассуждений он вдруг нашел ответ: анонимность, независимость, свобода — именно это было основной причиной находиться здесь, а не в каком-либо другом городе.

К сожалению его родина была не из крупнейших стран, поэтому поездка длилась несколько часов, а он так нуждался в долгой дороге именно сейчас, чтобы рассеяться и освободиться, насколько возможно, от постоянно преследующих его воспоминаний. Ему казалось, что длительная поездка скажется положительно на его сознании, поможет расслабиться и быстрее освоиться в действительной жизни, но он не осмелился позволить себе это. У него хватало и средств, и времени — в столице его никто не ждал, не было и никакой срочной работы — но независимо от этого ему казалось слишком бессмысленным просто так пуститься в бесцельное странствование. Какой-то необъяснимый стыд остановил его и в этот раз, и он не поддался своему порыву. Марк в общем и целом был прагматиком и не желал поступать нерационально, раз не было необходимости. Если бы судьба принуждала его путешествовать, он бы с радостью подчинился ей, но он сознавал, что сейчас в этом не было необходимости.